

В. Шекспир

Король Лир

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ш41

Ш41 **Шекспир У.**
Король Лир / В. Шекспир – М.: Книга по Требованию, 2022. – 180 с.

ISBN 978-5-518-10853-0

ISBN 978-5-518-10853-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСТУПЛЕНИЕ.

I.

Представляя на судъ читателя переводъ знаменитой драмы Шекспира, нужнымъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ основаніяхъ, на которыхъ былъ задуманъ и выполненъ трудъ, нынѣ появляющійся въ печати.

Много лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, руководясь замѣтками, высказанными ранѣе его разными иностранными цѣнителями искусства, раздѣлилъ всѣ переводы замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній на два отдѣла. Къ первому должны были относиться переводы буквальные, точные, подстрочно близкіе къ подлиннику, ко второму же—тѣ труды, въ которыхъ переводчикъ, по необходимости жертвуя буквальною полнотою и вѣрностью, болѣе всего старается возсоздать на своемъ родномъ языкѣ ту поэзію, которая поразила его въ переволимомъ твореніи. Слить оба условія въ одномъ трудѣ, въ одно время передать и поэзію и букву подлинника, есть трудъ едва ли доступный силамъ человѣческимъ. Всякій народъ выражается по своему, всякій языкъ имѣетъ свои собственные поэтическіе идиотизмы, и разность въ духѣ каждаго языка дѣлаетъ сліяніе поэзіи съ безукоризненною точностью перевода дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Жуковскій,

самый даровитый и точный изъ всѣхъ русскихъ переводчиковъ, понималъ вышесприведенную истину до тонкости. Въ своихъ превосходныхъ трудахъ онъ никогда не держался буквы Мура, Шплера, Бюргера: на многихъ страницахъ онъ давалъ полную волю своему таланту и, такъ сказать, вступалъ въ бой съ переводимыми поэтами, бой, — весьма часто оканчивавшійся рѣшительною побѣдою переводчика. Поэтому переводы Жуковского намъ кажутся образцами поэтическихъ переводовъ, — образцами не по одной прелести исполненія, но и по крайней добросовѣстности отдѣлки. Жуковский никогда не отступалъ отъ буквы подлинника безъ крайней необходимости, никогда не жертвовалъ ею безъ основанія, но зато никогда не подчинялъ роднаго своего языка формамъ и оборотамъ ему чуждымъ. Его манера должна служить вѣчнымъ предметомъ изученія для всѣхъ переводчиковъ, каковы бы они ни были, какъ бы далеко ихъ талантъ ни разнился съ талантомъ ихъ непобѣдимаго учителя. Обдумывая нашъ перевод «Короля Лира», мы смѣло держались методы роднаго поэта нашего. Само собой разумѣется, ни величіе оригинала, ни сознание нашей собственной слабости не позволяли намъ, подобно Жуковскому, пемышлять о какой бы то ни было борьбѣ съ Шекспиромъ; но мы, по возможности, удаляли себя и отъ литературнаго идолопоклонства, во многомъ вреднаго переводчикамъ. Задумавъ смѣлое дѣло, мы рѣшились выполнить его со всевозможной смѣлостью. Рѣшась на поэтическій перевод «Короля Лира», мы оставили всякое преувеличенное благоговѣніе къ буквѣ оригинала. Метафоры и обороты, несовмѣстные съ духомъ русскаго языка, мы смягчали или исключали вовсе. Къ счастью, подобныхъ оборотовъ и метафоръ отыскалось немного. Передавая вдохновенныя слова вдохновеннѣйшаго изъ поэтовъ вселенной, мы старались, чтобъ слова эти сдѣлались доступны всѣмъ русскимъ читателямъ безъ различія пола, возраста и развитія. Твердо вѣря, что поэзія Шекспира, несмотря на честный трудъ множества переводчиковъ, до сихъ поръ еще не понята у насъ какъ слѣдуетъ, мы прилагали всѣ наши силы къ разъясненію и упрощенію этой поэзіи. Жертвуя собственными нашими убѣжденіями, мы стремились къ тому, чтобъ переводъ нашъ не утомялъ самаго неразвитаго читателя, не раздражалъ ни одного человѣка воспитаннаго на простой русской рѣчи. Безъ страха употребляя самыя простыя русскія слова, самыя всеневные обороты языка нашего, мы задумывались надъ каждой запутанной фразой, надъ каждой метафорическою подробностью, хотя бы эта фраза и эта подробность составляли неотъемлемую красоту подлинника. Поступая такимъ образомъ, мы, можетъ быть, ошибались; но мы примѣняли на дѣлѣ мысли, давно уже перешедшія въ наше убѣ-

женіе. Часть этихъ мыслей была уже нами одинъ разъ высказана; но мы считаемъ нужнымъ повторить ихъ во всей подробности.

Передавая поэтическій языкъ Шекспира на языкъ современной русской поэзіи, нельзя не имѣть въ виду великой противоположности между обоими языками. Стихъ, отъ котораго сердце современнаго англичанина взволнуется поэтическимъ восторгомъ, можетъ произвести недоумѣніе и даже смѣхъ въ русскомъ человѣкѣ нашего времени. Причины тому весьма понятны: онѣ заключаются въ разности народныхъ преданій, народнаго развитія, народнаго слова и народной поэзіи. Шекспиръ писалъ въ то время, когда англійскій языкъ, еще не достигнувъ всей своей красоты и энергии, былъ обезображенъ преднамѣренной напыщенностью и картинной метафоричностью слога. Искусственное раздвѣченіе языка было въ ходу между образованнѣйшими классами елисаветинской Англійи. Оно было заимствовано отъ итальянцевъ и называлось *эвфуизмомъ*. Шекспиръ не имѣлъ ни охоты, ни возможности враждовать съ эвфуистической манерой рѣчи, дававшей такія яркія краски его исполненной фантазіи. Многие археологи увѣряютъ насъ, что древніе греческіе скульпторы красили свои мраморныя статуи: несмотря на этотъ обычай, непримѣнимый въ наше время, нѣтъ сомнѣнія, что красенныя статуи великихъ древнихъ ваятелей неизмѣримо прекраснѣе нашихъ современныхъ статуй. Шекспиръ дѣйствовалъ подобно древнимъ ваятелямъ, о которыхъ сейчасъ говорилось; но это еще не все. Глядя между поэтами, онъ изъ недостатковъ рѣчи умѣлъ создать прелесть и величіе. Изъ временной, преходящей моды онъ сотворилъ вѣчную красоту и передалъ ее послѣдующимъ поколѣніямъ. Онъ, такъ сказать, узаконилъ незаконное и провелъ по всей литературѣ своей родины ту метафорическую струю, которую мы и теперь подмѣчаемъ въ Байронѣ, Мурѣ, Вордсвортѣ, Теннисонѣ, Шелли, Китсѣ, — однимъ словомъ, во всѣхъ первыхъ поэтахъ Великобританіи. То, что прежде было въ языкѣ прихотливою случайностью, само возвелось въ правило, перешло въ плоть и кровь народа, слилось со всей его поэзіею, со всѣми его поэтическими преданіями. Старый эвфуизмъ временъ елисаветинскихъ, перешедшій чрезъ горнило шекспирова генія, живетъ въ словесности шекспировой родины, живетъ въ ней и будетъ жить полною, законою жизнію до тѣхъ поръ, пока англійскій языкъ раздается по всѣмъ частямъ земнаго шара.

Подобно тому, какъ мѣткіе обороты чисто-народной рѣчи безвредно переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ столѣтій въ столѣтіе, всѣ великіе стихи Шекспира прошли, одинъ за другимъ, всѣ поколѣнія англичанъ, отъ вренецъ Елисаветы до нашего вре-

мени. Самаго развитаго англичанина не поразить ни «духовой сонъ» въ «Макбетъ», ни слѣпой Глостеръ «съ кровавыми кольцами безъ драгоценныхъ камней», ни «море, стремящееся затопить небесныя пространства», ни другія выраженія, еще болѣе страшныя для русскаго. Эти фразы, эти метафоры составляютъ часть жизни и часть преданій для англичанина. Онъ неравлученъ съ именемъ пѣвца, котораго Карлейль называетъ вѣковѣчнымъ властителемъ англосаксонскаго племени. Эти неестественныя метафоры англичанинъ слышалъ ребенкомъ, въ часы семейнаго чтенія, изъ устъ своего отца; книга, въ которой онъ были напечатаны, стояла въ отцовскомъ кабинетѣ на одной полкѣ съ библіей. Ихъ онъ въ первый разъ прочелъ самъ въ первой книгѣ, которую ему прочитать позволили. Ихъ онъ услышалъ въ школѣ, отъ профессоровъ и товарищей; ихъ онъ опять услышалъ въ театрѣ, посреди общаго благоговѣйнаго молчанія тысячи жителей. Ихъ онъ повторялъ на годовщишѣ Шекспира, ихъ онъ говорилъ про себя со слезами на глазахъ, вступая въ маленькій домикъ города Стратфорда, — домикъ, прославленный человѣкомъ, въ немъ родившимся. Смѣяться надъ этимъ уваженіемъ такъ же безумно, какъ, напримѣръ, смѣяться надъ цвѣтистой манерой въ языкѣ восточныхъ народовъ. Но копировать и заимствовать это уваженіе, навязывать его вкусу русскихъ читателей, наперекоръ условіямъ собственнаго языка нашего, было бы такъ же странно, какъ, напримѣръ, вводить въ свой слогъ кудрявые обороты восточныхъ поэтовъ и мыслителей.

Обсудивъ мысли, нами сейчасъ высказанныя, читатель легко пойметъ основанія, руководившія насъ при трудѣ, нами предпринятомъ. Мы имѣли въ виду дать русской публикѣ поэтическій переводъ «Короля Лира». Поставивъ себя въ независимое положеніе относительно буквы шекспирова текста, мы, однако же, не дали себѣ воли распоряжаться съ нею по одной прихоти нашей. Твердо рѣшась не исказить шекспирова слова ни для звучности стиха, ни для щегольства языкомъ, ни для картинности слога нашего, мы тѣмъ съ болѣею смѣлостью поступали тамъ, гдѣ буква подлинника никакъ не могла сойтись съ буквой русскаго перевода. Тамъ, гдѣ отъ рабской и подстрочной вѣрности могла страдать поэтическая сторона нашего дѣла, мы забывали личныя наши симпатіи, давно укоренившіяся въ насъ вслѣдствіе нашего долгаго знакомства съ великобританскою словесностью. Не въ одномъ мѣстѣ нашего труда мы подчинили собственную нашу симпатію къ шекспировой поэзіи духу и потребностямъ простаго русскаго читателя. Ни разу не упустили мы изъ виду, что трудимся не для однихъ знатоковъ дѣла, не для однихъ дилеттантовъ, изучившихъ Шекспира въ совер-

шенствѣ. Мы знали, что образованный классъ русскихъ читателей изобилуетъ людьми, жаждущими узнать Шекспира, заглянуть въ сокровищницу мудрости и гения, которая заключается въ твореніяхъ Шекспира. Такихъ людей, воспримчивыхъ и умныхъ, но еще не подготовленныхъ къ прямому и непосредственному сближенію съ музою Шекспира, не удовлетворяютъ подстрочные переводы, тѣ переводы, надъ которыми надо сильно трудиться и много задумываться. Не всякій человѣкъ имѣетъ время и возможность на медленное чтеніе такихъ переводовъ, повѣряя свои ощущенія каждую минуту, часто становясь въ противоположность своимъ понятіямъ о поэзии и, по мѣрѣ силъ своихъ, глядя на Шекспира глазами его современниковъ и его соотечественниковъ. Мы желали, чтобъ этотъ трудъ былъ облегченъ, по возможности. Мы имѣли намѣреніе стать посредниками между великимъ большинствомъ нашей публики и духомъ шекспировой поэзии. Можетъ быть, претензія наша слишкомъ значительна; но насъ ободряетъ то соображеніе, что мы взяли за дѣло не безъ большихъ приготовленій, не безъ долгаго и страстнаго занятія своимъ предметомъ.

Мы сами не съ перваго раза поняли Шекспира во всемъ его поражающемъ величій; мы сами долго и часто задумывались надъ его текстомъ; мы сами не разъ запутывались въ нѣмецкихъ комментаріяхъ и уныло оставляли изученіе дивнаго поэта, говоря сами себѣ: «мы еще слишкомъ молоды, намъ еще рано понимать Шекспира!» Еслибъ въ этомъ періодѣ раздумья и безсилія нашелся человѣкъ, сердцемъ обожающій тотъ предметъ, который намъ не давался, еслибъ онъ рядомъ легкихъ и поэтическихъ уроковъ разъяснилъ намъ наши сомнѣнія и медленно, легко, осмотрительно ввелъ насъ во храмъ, у порога котораго мы стояли въ бездѣйствія, сколько трудовъ было бы у насъ сохранено, сколькимъ усиліямъ мы бы не подвергнулись! Но во всемъ есть своя полезная сторона. Наше долгое непониманіе Шекспира, наше раздумье передъ его поэзіей принесли свою пользу. На себѣ мы испытали всѣ трудности, неразлучныя съ изученіемъ шекспировыхъ твореній для русскаго читателя; а испытавъ ихъ, можемъ здраво судить какъ о значеніи этихъ трудностей, такъ и о лучшей методѣ для борьбы съ ними.

«Мы всѣ учились понемногу», сказалъ о насъ Пушкинъ. Рѣдкіе изъ насъ въ ученическіе свои годы прошли ту счастливую эпоху строгаго, желѣзнаго, классическаго воспитанія, которая сообщаетъ устойчивость мыслямъ человѣка и приучаетъ его къ упорству въ каждомъ трудѣ, большомъ или маломъ. Рѣдкіе изъ русскихъ людей, молодыхъ и старыхъ, умѣютъ читать усердно и стро-

го, учиться до конца своей жизни и къ мировымъ поэтамъ обращаться какъ къ учителямъ, въ полномъ, благоговѣйномъ настроеніи всего своего вниманія. Это не вѣтренность, а необходимый плодъ развитія нашего, результатъ нашей молодости и нашего недавняго, хотя быстро двигающагося просвѣщенія. Потому—то на указанную особенность русскаго читателя не дозволится глядѣть съ величавымъ неодобреніемъ педанта. Напротивъ того, на нее надо разсчитывать, съ ней надо соображаться всякому писателю, желающему добра своей публикѣ. Разбѣянность читателя не помѣшала ему одѣнить Пушкина, Карамзина, Гоголя; она не помѣшаетъ ему усвоить себѣ геній Шекспира въ его глубочайшихъ проявленіяхъ. Надо только стараться, чтобъ уроки были не тяжелы и, по возможности, увлекательны. Современный германецъ совершенно доволенъ подстрочнымъ переводомъ Шекспира; молодой русскій человекъ едва ли можетъ имъ удовольствоваться.

Въ простотѣ русской рѣчи (и всеневной и поэтической русской рѣчи),—въ той простотѣ, которая навсегда укоренилась въ литературѣ нашей, таится еще одна причина, по которой изученіе Шекспира для насъ трудно. По національному развитію своему, по своей врожденной зоркости и насмѣшливости, можетъ быть, по отсутствію южной пылкости въ характерѣ, всякій русскій человекъ есть врагъ фразы, метафоры, напыщенности и цвѣтистаго слова. Литературная реакція, навѣки убившая въ нашей поэзіи псевдоклассицизмъ и реторику, именно оттого побѣдила, что за нее стояли всѣ мыслящіе русскіе люди. Высокопарность и даже напряженность рѣчи у насъ всегда были недостатками временными, прививными, повсюду возбуждавшими смѣхъ и сопротивленіе. Первые русскіе писатели были сатириками и представителями простоты слога. Ни одинъ видъ литературной высокопарности не проходилъ безъ народій и скрытыхъ насмѣшекъ. Сумароковъ, едва сдѣлавшись отцомъ русскаго театра, увидѣлъ всѣ свои трагедіи передѣланными для посмѣянія публики. Участіе Сумарокова была участіе всѣхъ писателей риторической школы. Въ наше время всякая цвѣтистость, кудреватость и метафоричность слога есть смертный приговоръ для писателя.

Нельзя сказать, чтобъ подобное воззрѣніе было единственнѣйшимъ правдивымъ и здравымъ воззрѣніемъ въ цѣломъ свѣтѣ; но оно *наше*, оно выходитъ изъ нашего характера, въ немъ плоть и кровь русской поэзіи. Оттого мы не можемъ сѣтовать на русскаго человека, еслибъ онъ, по своей антипатіи ко всему, что отклоняется отъ простоты общенепятнаго языка, иногда заходилъ слишкомъ далеко. Мы знаемъ очень хорошо, что всякая поэтическая рѣчь

нѣтъ свои законныя особенности. Мы вполне понимаемъ различіе между смѣлой, разительной метафорой и бесплодной напыщенностью слога. Мы знаемъ, что весьма часто нѣкоторая напряженность слога ведетъ къ его сжатости, картинности и энергичности. И, несмотря на то, мы не рѣшаемся гнаться за буквою поэтическаго языка времени Елисаветы и Іакова. При всѣхъ усиліяхъ нашихъ, мы сами не помиримся никогда съ языкомъ и манерой Форда, Марстона, Марлова, Вебстера. Шекспиръ неизмѣримо выше этихъ драматурговъ; но у Шекспира есть фразы, обороты, сравненія, способные возмутить современнаго русскаго человѣка. Со сказанной стороны шекспирова гения намъ предстоитъ быть въ постоянномъ антагонизмѣ. А, между тѣмъ, нашъ переводъ долженъ быть какъ нельзя вѣрнѣе и ближе къ подлиннику. Вотъ противорѣчіе, котораго мы никогда не упустили изъ виду во все время труда нашего, помня какъ нельзя лучше, что для читателей, особенно молодого и воспримчиваго читателя, одно натанутое выраженіе, одна фраза, отзывающаяся вытокопарностью, одна метафора, противная духу языка русскаго, будетъ темнымъ пятномъ, порчею всего дѣла и, наконецъ, поводомъ къ насмѣшкѣ, вещи столь разрушительной въ настоящемъ случаѣ. Итакъ, послѣ всего, что мы сейчасъ высказали, публикѣ сдѣлаются понятны воззрѣнія, руководившія нами во время труда нашего. Задача наша состояла изъ трехъ отдѣльныхъ задачъ, или, говоря опредѣлительнѣе, наше отношеніе къ «Королю Лиру», какъ предмету для поэтическаго перевода, выказывалось троякимъ образомъ. Во первыхъ, мы должны были помочь читателю уразумѣть и оцѣнить все великое произведеніе, нами избранное; въ его общей драматической сложности. Во вторыхъ, мы должны были рѣшиться: какимъ образомъ поступать съ тѣми частностями драмы, которыя или безъ нужды замедляли ея теченіе, или, по своей рѣзкости, не годились для читателя нашихъ понятій? И въ третьихъ, наконецъ, намъ предстояла самая важная трудность, а именно: установленіе отношеній нашихъ къ языку оригинала въ тѣхъ отрывкахъ и оборотахъ, которые, по чрезмѣрной своей цвѣтистости или метафоричности, не ладили съ духомъ языка русскаго.

Вся вторая половина вступительнаго этюда нашего занята выполненіемъ первой задачи. Избѣгая общихъ хвалебныхъ фразъ и туманныхъ выводовъ о значеніи «Короля Лира», какъ одного изъ высочайшихъ твореній, когда либо являвшихся на языкѣ человѣка, мы выбрали методу, какъ намъ кажется, и простую и заманчивую. Не мудрствуя лукаво, мы рѣшились подготовить читателя къ занятію, ему предстоящему, и провести передъ его поэтическимъ окомъ

весь рядъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ, такъ сказать, всю человѣческую сущность шекспирова творенія. Мы анализировали, какъ умѣли, художественные образы всѣхъ лицъ драмы, начиная Лиромъ и кончая герцогомъ Корнвалльскимъ, постоянно стараясь, въ продолженіе нашихъ очерковъ, передавать разныя положенія пьесы со взглядомъ на ихъ происхожденіе, цѣль и поэтическія совершенства. За эрудиціей характеристики мы не гнались: въ наше время подобная эрудиція дается дешево и дивитъ собою только людей очень неразвитыхъ. Если читатель получитъ безпредѣльное обожаніе къ шекспирову «Королю Лиру», онъ съумѣетъ отыскать то, что было писано объ этой пьесѣ въ археологическомъ, историко-литературномъ и философскомъ отношеніяхъ. Мы стремились только къ тому, чтобъ онъ полюбилъ твореніе Шекспира, и потому старались въ нашихъ характеристикахъ перелить хоть часть той безпредѣльной и восторженной любви, какой мы исполнены къ героямъ великаго творенія, надъ которымъ мы трудились столько времени.

Въ отношеніи второй задачи, то есть поведенія нашего въ виду слишкомъ длинныхъ, рѣзкихъ или непристойныхъ частностей драмы, трудъ нашъ не былъ большимъ трудомъ. Выполнять его было можно на основаніи примѣра, поданнаго иностранцами и русскими переводчиками. Изъ послѣднихъ мы долгомъ считаемъ называть г. Якимова, котораго честный и полезный трудъ (переводъ «Короля Лира», С.-Петербургъ, 1833 года) былъ для насъ лучшимъ руководствомъ и пособіемъ. Въ подробностяхъ, затѣмъ оставшихся сомнительными, стоило только справляться со здравымъ смысломъ и литературнымъ тактомъ, безъ которыхъ невозможенъ никакой переводъ Шекспира, ни подстрочный, ни поэтический. Здравый смыслъ говорилъ намъ очень ясно, что такая-то неблагопристойная шутка или пѣсня *должны* быть выпущены изъ уваженія къ публикѣ нашего времени; литературный тактъ указывалъ намъ, что такая-то незначительная реплика, безъ нужды замедлявшая дѣйствіе, могла остаться непереведенною безъ ущерба красота́мъ подлинника. Другихъ, болѣе важныхъ, сомнѣній намъ не встрѣтилось. Ни до одной сколько нибудь важной подробности мы не коснулись, вѣрл, что времена Дюси прошли, и что наша публика не нуждается въ смягченіи «варварскихъ красотъ великобританскаго дикаря». Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы не уважали дѣятельности Дюси, какъ популяризатора шекспировыхъ твореній: зоркій французъ сдѣлалъ много полезнаго дѣла, какъ ни ненавистенъ онъ нѣмецкимъ коментаторамъ. Но, повторяемъ еще разъ, Шекспиръ уже не варваръ для русской публики, и дюсисовскія времена для нея прошли окончательно.

Сцена вообще имѣетъ свои условія, не всегда совпадающія съ условіями, необходимыми для печатной книги. Сценическій переводъ «Короля Лира» долженъ розниться отъ перевода поэтическаго, и мы сами не могли бы отдать на сцену нашего труда въ его настоящемъ видѣ. Сцена, въ которой Регана и Коривальль своими руками вырываютъ глаза у Глостера, не можетъ идти на театръ по своей возмутительности; но мы не видимъ причины, почему бы ей не явиться въ печати, при всей своей чудовищной саготѣ, такъ оправдываемой старыми нравами и исторіей стараго времени. Въ великихъ историкахъ мы всякій день читаемъ описанія преступленій, еще болѣе потрясающихъ, нежели преступленіе, о которомъ здѣсь говорится. Англійская исторія въ особенности, за года гораздо позднѣйшія, чѣмъ время Шекспира, изобилуетъ подобными эпизодами: для чего же мы будемъ отдаваться чрезмѣрной щепетильности, и въ средневѣковой, полуязыческой легендѣ оуждать то, что читаемъ и обдумываемъ ежедневно? Съ другой стороны, сцена иногда съ выгодой допускаетъ подробности, бесполезныя и утомительныя во время чтенія пьесы. То, что живить и разнообразить драму на сценѣ, вредитъ той же драмѣ въ поэтическомъ переводѣ. Два лица въ «Королѣ Лирѣ»: *шутъ* и *Эдгаръ* (во время сумасшедства) своими репликами чрезвычайно облегчаютъ дѣйствіе, даютъ отдыхъ главному актеру, отвлекаютъ вниманіе публики, тягостно сосредоточенное на потрясающихъ душу страданіяхъ короля Лира. Для читателя часть этихъ репликъ замедляетъ дѣйствіе и, безъ нужды склопя его къ разсужденію о томъ, что въ пьесѣ высказывается запутаннымъ, испонятнымъ образомъ, не награждаетъ его за эти неудобства никакимъ наслажденіемъ. Мы сперва перевели роли Эдгара и шута безъ всякихъ сокращеній, будто для сцены, но во время труда убѣдились, какъ мало даютъ читателю нѣкоторыя реплики сказанныхъ ролей. Значительная часть безмысленныхъ рѣчей бѣднаго Тома не могла произвести ничего, кромѣ удлинненія пьесы. Нѣкоторыя шутки и пѣсни шута, запутанныя и нисколько не поэтическія, представляли то же неудобство. Имѣя въ виду, что въ русской литературѣ уже есть полнѣйшій и подробнѣйшій переводъ «Короля Лира», въ книгѣ г. Якимова, мы безъ долгаго колебанія пожертвовали нѣсколькими частностями въ двухъ роляхъ, о которыхъ сейчасъ говорилось.

Съ третьей и послѣней задачею намъ было всего болѣе труда, потому что на ней должно было основываться главное дѣло въ переводѣ, то есть его языкъ и, съ языкомъ, все его значеніе. При началѣ вступленія мы высказали нашъ взглядъ на отношенія шекспировъ языка къ поэтическому языку современной русской словесно-

сти. Взглядъ этотъ давно уже былъ нами выработанъ; но съ первой строкою перевода приходилось примѣнить его на дѣлѣ; во всей его строгости. Мы не имѣли намѣренія передавать «Короля Лира» своими словами, но не хотѣли и ломать своего роднаго языка на образецъ ему чуждый. Мы знали, что слишкомъ безцеремонное обращеніе съ буквою подлинника повело бы къ ущербу той поэзіи, которую мы взялись передать русскому читателю; но въ то же самое время намъ было ясно, какой ущербъ можетъ произойти отъ цѣлостности языка въ переводѣ. Двигаясь между Сциллою и Харибдой, мы увидѣли себя въ необходимости дѣлать каждый шагъ съ крайнею осторожностью, глядѣть въ одно время и на англійскій оригиналъ, и на законы русскаго языка, и на вѣчнаго Шекспира, и на преходящую массу русскіхъ читателей. На сказанной дорогѣ надо было двигаться, разсчитывая лишь на собственныя силы да на совѣты друзей, знатоковъ дѣла. Впрочемъ, къ нашему счастью, въ дѣльныхъ и примѣнимыхъ совѣтахъ недостатка не было. Почти каждый изъ литераторовъ, и преимущественно поэтовъ, пользующихся заслуженною славою въ современной русской словесности, оказалъ намъ въ этомъ отношеніи самое радушное содѣйствіе. Сцена за сценою была нами читана въ обществахъ лицъ, имѣющихъ почетный голосъ во всякомъ литературномъ дѣлѣ; каждый сомнительный оборотъ обсуживался тщательно; стихи невѣрные или неудачные измѣнялись общими силами; на многіе мѣткіе и поэтическіе обороты перевода можно указать, какъ на свѣтлыя мѣста труда, принадлежащія не намъ, а лицамъ, болѣе насъ свѣдущимъ въ дѣлѣ русской поэзіи. Съ такой помощью всякое предпріятіе имѣетъ отрадную сторону, хотя бы оно и не сопровождалось даже тѣмъ наслажденіемъ, котораго невозможно не испытывать, передавая на русскій языкъ произведенія, подобныя «Королю Лирѣ».

По мѣрѣ того, какъ мы осваивались съ нашимъ дѣломъ, многія трудности, о которыхъ не разъ приходилось намъ думать съ замѣшательствомъ, являлись въ видѣ далеко не такъ страшномъ, какъ прежде. Изучивъ каждую сцену и каждую строку оригинала, мы начали убѣждаться въ томъ, что манера Шекспира, даже въ самыхъ метафорическихъ ея особенностяхъ, не стоитъ въ непримиримомъ антагонизмѣ съ духомъ простой русской рѣчи. Правда, въ «Королѣ Лирѣ» встрѣтили мы не мало страшно цѣлѣстныхъ мѣстъ, которыхъ наше перо не рѣшилось бы передать на родной языкъ во всей точности; но большую ихъ часть можно было смягчать и упрощать, не уничтожая черезъ то ихъ поэзіи. Задача упрощенія не могла назваться легкою; но тамъ, гдѣ необходимость дѣла ясна, само дѣло производится съ горячностью. По нашимъ понятіямъ, мы не могли